

Ну а чем я хуже Чайковского?!

Вчера он был в Ярославле, сегодня играет в Москве, завтра — в Питере, а там и в Гамбурге. На этой неделе в Германии появится новая пластинка «Аквариума», рассчитанная на европейского слушателя. О новом релизе, старых мечтах и всякой всячине БГ рассказывает корреспонденту «Известий» — за час до отбытия на «Красную стрелу», в японском ресторане, пока несут сакэ.

— Идея эта появилась в Германии осенью прошлого года, когда мы решили выпустить пластинку с наиболее значимыми вещами «Аквариума», которая сопровождала бы немецкие гастроли. Полгода в Интернете все специалисты по «Аквариуму» обсуждали — с моим деятельным участием, — что же туда должно входить. Получился список песен из шестидесяти. А потом я оказался в Индии и как-то вечером набрал 15—16 песен, которые должны там быть точно. Это такой метод прощания с двадцатым веком. Причем получился вовсе не «Greatest Hits» — там нет «Города золотого», «Старика Козлодоева», всего того, что любят люди, — я отбирал песни, которые считаю важными для себя самого. Заодно записал несколько вещей, которые очень люблю, но ни на одном альбоме их не было. Мы сидели два месяца в студии, пробовали на зуб все подряд, в результате к старым записям добавили четыре новые песни и два — не хочу называть это «римейками», уж больно затрававшее слово — переосмысления всем известных вещей — «Вавилона» и «Аделаиды». Что до названия, то наш знакомец Егор Белкин из «Наутилуса» «территорией» называет бывший Советский Союз. Я несколько месяцев вертел это слово на языке и понял, что хочу назвать так пластинку. Это и территория «Аквариума», и СССР, конечно, — все мы родом отсюда, чего там, еще несколько десятков лет от этого не избавимся.

— Когда вы сейчас играли старые вещи, получали тот же кайф, что тогда?

— Да же больше! Я пытался сделать так, чтобы по ощущениям они были не хуже, а по технике — лучше, чтоб слушать их было веселее.

— Пластинка рассчитана на наших эмигрантов или на весь тамошний рынок?

— Ну мы прежде всего старались сделать так, чтобы эту пластинку можно было подарить любому человеку, который ничего не знает об «Аквариуме». Там есть вступительная статья на немецком и английском, переводы всех текстов на английский. Должны были быть еще немецкие переводы, но просто ребята не успели. Уж слишком часто были случаи, когда хочется подарить новым знакомым свою музыку, а нечего. Харрисону, скажем. Или Рэю Кудеру — ну, о'кей, Кудер-то меня знает, а вот Стингу? Какой альбом дарить Стингу?! ЭТОТ? Не-ет, этот слишком занудный. Тогда этот? Ну тоже нет...

— Надо дарить последний. — Вариант. Но все равно это лишь одно из звеньев цепи, и получается непредставительно. Теперь же я могу сказать: вот он, мой «Аквариум».

— Что ж, еще одна мечта сбылась. Много их еще осталось, нереализованных?

— Ужас в том, что с каждым годом их появляется все больше и больше! Вокруг так и носятся идеи, которые я никак не успеваю реализовать.

— Назовите что-нибудь?

— Ну вот, в начале декабря я поеду в Нью-Йорк записывать со своими шаманами, Gabrielle Roth and the Mirrors, новый альбом с мантрами — мы уже записали один, а здесь мантры будут положены на ритм. Это раз. В Непале наши ламы попросили меня записать еще один альбом с мантрами, которые они сами для меня отберут. Чтобы помочь всем живым существам. Это два. Кроме того, наш собственный альбом нужно записать...

— Ну это же все вполне конкретные дела — я-то имел в виду какие-то стародавние, волшебные желания. Не знаю, спеть дуэтом с Дэвидом Боуи...

— Нет, с Боуи не хотел бы, а вот со старыми черными джазовыми музыкантами — это да. Очень хочется. Но ведь для этого нужно подготовить материал... И очень хочется записать альбом с ирландскими народными музыкантами. Когда я работал над «Radio Silence», мы говорили с ребятами из The Chieftains и даже предварительно условились, но вот прошло десять лет — и ничего не сделано. А сердце у меня к этому очень легит.

— Самая старая песня с «Территории» датирована, если не ошибаюсь, 1983 годом. Что изменилось с тех пор в вашем мире?

— Изменилась, по сути, только одна вещь: в то время мы и представить себе не могли, что наша музыка может иметь хоть какое-то хождение, кроме локального. Что ее будут слушать где-то еще, за границей. Невозможно! А теперь, когда я что-то делаю, я имею в виду, что люди будут сравнивать со всем остальным, что делается на свете.

— Вы верите, что сравнение это для нашей музыки не губительно? Все наши музыканты, уехавшие покорять Запад, так и вернулись ни с чем.

— Уезжать туда, по-моему, самая большая глупость, какую только можно придумать. Если мы рождены в ареале русской культуры, имеет смысл продолжать в ней существовать — и продолжать ее, в конечном итоге.

НАДЕЖДА ЛЕБЕДЕВА

Борис Гребенщikov — композитор, знающий себе цену

ге. Люди, уехавшие туда, стремились стать звездами — ЗВЕЗДАМИ! — и наплевать уже, на каком материале. А мне интересно просто делать ту музыку, которую мы всю жизнь делали, только на таком уровне, на котором ее не стыдно будет показать где угодно и кому угодно. И очень хочется научиться делать это самому — не с помощью Дэйва Стюарта (музыкант из «Юритмикс», помогавший записывать «Radio Silence»). — А.М.) или кого еще, а самому. И уже получается — мы сделали ряд вещей, которыми я могу гордиться. Это нужно еще и затем, чтобы здесь стандарты не падали. Попсу у нас уже научились записывать, только она скучная. А хорошая музыка не всегда записана хорошо. Меня всегда доставало, когда люди говорили: «Сделаем как у больших». Да вы же сами большие, никакой не второй сорт, понять бы это!

— Вы пытались сосчитать, сколько уже песен вами написано?

— Ну, за пятьсот, это точно. — Когда пишете новые, вся эта громада не дышит в затылок?

— Фокус в том, чтобы научиться оставлять это сзади. Сделал, записал — все!

— Сложно же, однако, не заметить, что новые ваши работы неизменно повторяют старые — где-то мелодия вылезет, где-то образ знакомый...

— Сложно также не заметить, что все творчество Иоганна Себастьяна Баха очень легко узнаваемо, что у него одни и те же ходы — а написал он достаточно много! Конечно, я вырос, слушаю вполне определенную музыку, все это в меня впиталось, но мы гораздо эклектичнее, чем Бах, это уж точно. Я признаю право любого человека считать, что я вторюсь и все такое, но сам так не считаю. Посмотри на песни с последнего альбома — скажем, «Пока несут сакэ», — я никогда такого не писал!

— Скажите, Борис Борисович, а как вас занесло на фестиваль «Брат-2»? Вы же всегда чурались сомнительных идей.

— Тут просто. Фирма Real Records выпустила нашу пластинку «Пси». Она же выпустила саундтрек к «Брату-2». И вдруг я с интересом выясняю, что мы теперь каким-то боком имеем отношение к фильму «Брат-2». Я этого не знал. Но с моей стороны было бы как-то неудобно звонить на Real и говорить: «Ребята, что ж вы делаете?».

— Почему?

— По очень простой причине: эту пластинку купит очень много народу. И если они услышат, в дополнение ко всему, одну песню «Аквариума», хуже от этого никому не будет. А то, что нас как-то могут проассоциировать с фильмом... Я за 28 лет выяснил одну вещь: с «Аквариумом» очень плохи шутки. Когда с нами кто-то начинает шутить, это потом отдается. А я люблю разрушать эти структуры! «Аквариум» — это такое оружие террориста.

— А вся эта новая русская музыка, которую культивирует «Наше радио» — как она вам?

— Умм. А кто именно?

— Ну, навскидку, Чичерина, «Би-2», «Смысловые галлюцинации»...

— Чичерину не слышал. То есть как не слышал — когда я стоял за кулисами фестиваля «Брат-2» и за ней наблюдал, я понимал, что вот на эту песенку я где-то наткнулся, по радио скорее всего, но у меня она ни с чем не ассоциируется. «Би-2» мне интересны, поскольку «Полковник» — та вещь, которую мне было бы занятно послушать целиком. Мне вообще нравится, что у нас появляется что-то, что вполне сравнимо с западными аналогами. Хоть и не могу назвать каких-то новых артистов, которые меня заделали бы. Я в принципе и не слушаю ничего — так, неосознанно, может быть, в руки что-то попадает. «Текиладжаз» разве что — но они уже не новые совсем.

— Вы сейчас много ездите по стране?

— Уфф... Слишком много. Что говорить — только из Ярославля. Но без поездок этих я уже просто не могу, да и людям, которые приходят на концерт, они нужны. Когда попадаешь, скажем, в Мурманск, понимаешь, что город этот живет совершенно в другом ритме, и им просто необходимо, чтобы приезжали мы и такие, как мы, чтобы существовал этот энергообмен со всем остальным миром. Иначе они просто затухнут!

— Где сейчас в России открываются места Силы? Вы ведь чувствительны к подобным вещам.

— (Задумывается.) Практически вся Волга. Да, Поволжье, несомненно. Очень сильная там энергия. (Что-то медленно прокручивает в голове.) Сибирь меня очень всегда интересовала в этой связи. Вообще, разные города я ощущаю по-разному: скажем, Курск я почему-то очень люблю, а вот Барнаул — это город, где никогда ничего не происходит. И чем больше едешь, тем интереснее.

— Как продвигается работа над саундтреком к меньшиковскому спектаклю «Кухня»?

— Мы закончили то, что задумали, Олег это уже принял, и теперь, когда у меня будет время, сядем записывать с симфониче-

ским оркестром, по-человечески. До сих пор мы писали все на компьютер, а теперь хочется услышать, как это будет по-настоящему. Ведь я сочинял в расчете на то, что на сцене будет восемь виолончелей! И четыре контрабаса! Ну а чем я хуже Чайковского? Пока у меня есть возможность поиграть в большие игрушки, я буду играть в большие игрушки!

— Насколько отличается работа над театральным саундтреком от работы, скажем, в кино, вам ведь есть, с чем сравнивать?

— Не очень отличается... Просто здесь мы позволили себе исходить из того, что это будет не наша запись, а будет играть оркестр. Подразумевалась инструментальная музыка — без эффектов, без монголов, без того-то, я только позвал моего старого приятеля Славу Гайворонского, очень талантливого джазового трубача и композитора, и мы начали ту красивую музыку, которую я написал, немножко разрушать с помощью всяких хитрых вставок.

— Фри-джаза подбавили?

— Ну, фри не фри, но мою замкнутую красоту разрушает вполне эффективно. Я хочу эту музыку расшатать максимально, чтобы при сохранении красивых мелодий там происходило еще что-то, чего я сам не могу себе представить. Хочется сделать произведение искусства, понимаешь? Я никогда в жизни не делал такого. Страшно интересно.

— Фирма «Триарий» объявила о выпуске сразу трех ранних альбомов «Аквариума». Не испытываете ли вы чувства неловкости, что ваши юношеские опысы вытаскал на свет божий?

— Ни малейшего. Во-первых, у «Триария» еще нет качественной записи. Если же она и найдется, мне будет только жалко тех людей, которые ее купят, потому что запись там, ты ж понимаешь, ну совсем никакая. Коллекционеры приобретут, и их понимаю, а широкие массы, я думаю, об этом и не услышат никогда. Но неловкости нет: мы ж делали все искренне! Паршиво, но искренне. Этой музыкой я тоже горжусь: играть мы не умели, но к хаосу и к анархии у нас было отношение правильное.

— А сейчас?

— Чем дальше, тем правильной. Хаос — это единственная почва, на которой может возникнуть что-то новое. Где гармония, там уже все ясно, а все новое — только из хаоса.

— Только не все отдадут себе в этом отчет.

— Увы. А мне всегда казалось, что люди, а уж музыканты тем паче, должны бы интересоваться смежными областями, узнавать, что делается в религии, в науке, где-то еще. Сравнить то, что ты чувствуешь, с тем, что люди обдумывают. Но увы — все летит. И я в первую очередь.

Алексей МУНИПОВ